КІЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

16-го Сентября. № 18. 1876 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ПОУЧЕНІЕ

въ день Рождества Пресвятой Богородицы.

Рождество пресвятой Богородицы происходило при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Благочестивые родители пресвятой Дѣвы Маріи Іоакимъ и Анна прожили до глубокой старости, не имѣя дѣтей. Поэтому они сильно скорбѣли. Въ тяжкой печали они молились Господу, чтобы онъ разрѣшилъ ихъ отъ неплодства. Однажды Іоакимъ принесъ въ храмъ жертву. Первосвященникъ жертвы не принялъ, говоря: «видно ты великій грѣшникъ, когда Господь за грѣхи твои наказываетъ тебя безчадіемъ». Прискорбно стало праведному Іоакиму: онъ уже не идетъ домой, а отправляется въ пустыню; тамъ въ постѣ и молитвѣ пребываетъ онъ сорокъ дней. Праведная Анна тоже, постясь сорокъ дней, молится въ саду. И вотъ, во время молитвы, ангелъ является сперва Аннѣ, потомъ—Іоакиму, и возвѣщаетъ имъ, что молитва ихъ услышана Богомъ, что отъ нихъ родится благословен-

ПОУЧЕНІЕ

въ день св. апостола евангелиста Іоанна Богослова.

Празднуя нынѣ св. апостолу евангелисту Іоанну Богослову, постараемся, бр., слѣдовать тому ученію, которое онъ наиболѣе любилъ проповѣдывать. Изъ житія сего угодника Божія видно, что онъ и словомъ и собственнымъ примѣромъ по преимуществу учитъ о любви къ ближнимъ. Въ его посланіяхъ весьма пространно и ясно излагается ученіе о любви къ ближнимъ. Онъ такую важность приписываетъ любви къ ближнимъ, что, по его словамъ, и Бога не можетъ любить тотъ, кто не любитъ ближняго: *аще кто речетъ,* говоритъ онъ, *яко люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, ложь естъ, ибо не любяй брата своего, его же видѣ, Бога, его же не видѣ, како можетъ любити? И сію заповѣдь имамы отъ Него, да любяй Бога, любитъ и брата своего* (1 Іоан. IV, 20. 21).

Когда св. апостолъ Іоаннъ былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, (а онъ жилъ долго—болѣе ста лѣтъ), то уже не могъ произносить длинныхъ рѣчей, но постоянно повторялъ ученикамъ своимъ одно: «дѣти, любите другъ друга! дѣти, любите другъ друга!» Когда ученики спрашивали:—учитель! зачѣмъ ты намъ постоянно повторяешь одно и тоже?—Онъ отвѣчалъ: «это есть заповѣдь Господня, которая заключаетъ въ себѣ всѣ заповѣди». Изъ этого видно, что св. апостолъ Іоаннъ сильно желалъ, чтобы послѣдователи Христовы были соединены взаимною любовію, и чтобы между ними не было ни ссоръ, ни вражды. Этого онъ желалъ во время земной своей жизни; этого онъ желаетъ и нынѣ: позаботимся же, бр., о томъ, чтобы имѣть эту взаимную любовь между собою. А для этого припомнимъ: не имѣемъ ли кого-либо,

кто по какимъ бы-то ни было причинамъ гнѣвается на насъ, и постараемся примириться со всѣми тѣми, которые считаютъ себя обиженными отъ насъ. Будемъ строго наблюдать за собою, чтобы никому не сдѣлать никакого зла: ни дѣломъ, ни словомъ. Будемъ дорожить всякимъ случаемъ, при которомъ можемъ оказать ближнему какое-либо добро; добро же мы можемъ оказывать ближнему, и помощію, и совѣтомъ, и наученіемъ, и ходатайствомъ, и молитвою, и разными другими способами. Если будемъ имѣть истинную любовь къ ближнимъ, тогда не будемъ равнодушны, видя ближняго въ печали, и раздѣлимъ съ нимъ скорбь его. Не будемъ завидовать счастію и благополучію ближняго, а напротивъ порадуемся съ нимъ. Замѣчаете ли въ себѣ признаки такой любви къ ближнимъ? Если не замѣчаете, то молитесь угоднику Божію св. апостолу и евангелисту Іоанну, да испроситъ намъ у Господа благодатный даръ искренней любви ко всѣмъ нашимъ ближнимъ. Аминь.

Свящ. *Ипполитъ Тацієвскій.*

ЗАПИСКИ ПСАЛОМЩИКА.

Оканчивая курсъ въ семинаріи, я нисколько не задумывался надъ своею будущностью. Учился я очень хорошо, и имѣлъ надежду получить при окончаніи курса званіе студента. Думалось: получу аттестатъ и поѣду свататься и искать прихода. Да мнѣ и ѣздить было нечего. Мнѣ нравилась дочь нашего приходскаго священника, и хотя я былъ дьячковскій сынъ, казалось мнѣ,—она не побрезгаетъ предложеніемъ студента. Притомъ же мы выросли въ одной деревнѣ, и если не сблизились доселѣ, то это потому, что

намъ не пришло еще время сближаться. Я—бѣдный семинаристъ, и притомъ бурсакъ, рѣдко даже бывалъ дома на праздникахъ, а на вакаціи хотя и бывалъ дома, но проводилъ почти все время въ полѣ, помогая въ работахъ своему отцу. Она училась въ сосѣднемъ городѣ—и рѣдко также бывала дома почти до окончанія моего курса. Но вотъ и я окончилъ курсъ въ семинаріи, и она свое воспитаніе. Съ перваго же свиданія нашего въ домѣ ея родителей, между нами, какъ старыми знакомыми, возникла не то, что дружба, а какая-то симпатія. Дни шли за днями, сочувствіе наше другъ къ другу укрѣплялось и переходило мало по малу въ взаимную привязанность. Ни слова не было сказано нами ни о дружбѣ, ни о любви, но сердце чуяло, что та и другая недалеко отъ насъ.

Когда я сказалъ отцу, что намѣренъ просить руки дочери священника, то онъ сначала струсилъ. «Какъ можно, сказалъ онъ, чтобы отецъ Степанъ отдалъ свою дочку за дьячковскаго сына!» «Не забывайте, батюшка, возразилъ я, что этотъ дьячковскій сынъ—теперь студентъ, и имѣетъ право на занятіе лучшаго священническаго мѣста».

6-го сентября, въ день храмоваго праздника въ нашемъ селѣ, пріѣхалъ, по приглашенію священника, и благочинный на храмъ. Въ числѣ новостей, онъ привезъ одну, которая близко касалась моей судьбы. Вышло положеніе, что по окончаніи курса въ духовной семинаріи, нельзя, какъ водилось прежде, поступать прямо въ священники на приходъ, а требуется, чтобы окончившій курсъ, до тридцатилѣтняго возраста, исполнялъ должность псаломщика, и пожалуй, гдѣ есть школа, помогалъ священнику обучать дѣтей грамотѣ. Это извѣстіе поразило меня, какъ громомъ. Новое постановленіе совершенно разстраивало всѣ мои планы касательно

женитьбы и занятія прихода. За причетника священникъ, конечно, не выдастъ своей дочки замужъ, да если бы и выдалъ, то для чего бы я женился, и на какія средства могъ бы содержать жену и дѣтей, если Богъ дастъ ихъ».

Отецъ благочинный, понявъ въ какое затруднительное положеніе я поставленъ, спросилъ меня: «какъ же вы теперь думаете устроить свою карьеру? Неужели въ самомъ дѣлѣ вы—студентъ, захочете десять лѣтъ тянуть лямку на причетнической скудной по доходамъ и не очень почтенной у насъ должности»?—Я отвѣчалъ, что извѣстіе это очень для меня неожиданно, и что я не могу еще собраться съ мыслями, чтобы подумать о своей участи серьезно.

«А вы шли бы въ университетъ,—продолжалъ благочинный,—вѣдь и тамъ не Богъ знаетъ какихъ знаній требуется отъ поступающихъ. Мой старшій сынъ теперь готовится къ пріемному экзамену въ университетъ, а меньшій хочетъ поступить въ военную службу; чтожь—и съ Богомъ. Все же лучше и приличнѣе быть юнкеромъ и года черезъ два, черезъ три получить офицерскій чинъ, нежели быть причетникомъ».

— Хорошо тому,, замѣтилъ я,—и въ университетѣ, и въ военной службѣ, кто имѣетъ возможность получать на содержаніе пособіе отъ родителей или отъ родственниковъ, а у меня, вы знаете, отецъ—причетникъ и самъ съ трудомъ заработываетъ для себя бѣдный кусокъ хлѣба, а мнѣ ужь конечно не можетъ дать никакого пособія. Напротивъ, онъ вправѣ ждать, на старости, пособія отъ меня, и я имѣлъ доброе намѣреніе успокоить при себѣ его старость; но теперь я этого не могу сдѣлать, и вотъ что особенно безпокоитъ и смущаетъ меня. Самъ я, хоть и бѣдно, но могу прожить и на псаломщицкой должности».

И вотъ волею, неволею я поступилъ въ псаломщики. Еслибы я былъ подготовленъ къ этой должности, то она была бы для меня хоть и не завидна, по крайней мѣрѣ не тяжела. Но меня готовили во священники, а не въ псаломщики. Я изучалъ весь курсъ богословскихъ наукъ, учился философіи, словесности, церковному краснорѣчію, исторіи и проч. Зналъ въ общихъ чертахъ содержаніе богослуженій, но не зналъ ни церковнаго устава, ни нотнаго обихода, тѣмъ болѣе не зналъ своеобразныхъ сельскихъ церковныхъ напѣвовъ; правда и уставъ и обиходъ я изучалъ, но когда?— Еще въ училищѣ. А въ продолженіи шестилѣтняго обученія въ семинаріи, гдѣ не преподаютъ ни церковнаго устава ни пѣнія по обиходу, я забылъ и то, чему меня учили въ бурсѣ по этимъ предметамъ. Службы въ семинарской церкви пѣлись пѣвчими по партеснымъ нотамъ, а не по обиходу, а на лѣвый хоръ допускались только тѣ, у которыхъ были лучшіе голоса. Я же не могу похвалиться хорошимъ голосомъ. Притомъ же, если я и пріучился къ городскому церковному напѣву, то это—не тотъ, какъ замѣтилъ я выше, какой употребителенъ въ селахъ. Во вторыхъ, я слышалъ только обѣдню и утреню, а прочія церковныя службы съ ихъ своеобразными напѣвами и съ ихъ особеннымъ порядкомъ мнѣ были мало знакомы. Поэтому я очень сознавалъ, что могъ бы быть хорошимъ священникомъ, но хорошимъ псаломщикомъ не могу быть, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ. Если бы при мнѣ былъ отецъ, онъ поруководилъ бы меня и, конечно, скоро пріучился бы я къ псаломщицкой должности. Но я не хотѣлъ отнять у отца причетническаго мѣста, какъ потому, что занявъ въ нашемъ селѣ должность псаломщика лишилъ бы его мѣста, такъ и потому особенно, что мнѣ казалось стыдно быть дьячкомъ

въ томъ самомъ селѣ, гдѣ я видѣлъ бы постоянно ту, которую теперь уже не могъ надѣяться имѣть подругою жизни, и предъ которою я былъ бы униженъ окончательно. Такимъ образомъ я сознавалъ себя несостоятельнымъ причетникомъ. Что я сознавалъ самъ, того не могли не замѣчать и со стороны. Священникъ досадовалъ, что ему приходилось часто поправлять меня и разсказывать, что́, изъ какой книги и когда надобно читать на вечерни и утрени. Послѣ поправокъ и кроткихъ замѣчаній дѣло дошло и до выговоровъ отъ батюшки. Прихожане видя мою неумѣлость—иные ухмилялись, другіе досадовали,—и всѣ вообще были недовольны мною. Вслѣдствіе этого и доходы мои отъ прихожанъ были очень недостаточны. Я понималъ, что получаю не доброхотное и неусердное вознагражденіе за трудъ. Причиною малаго сочувствія ко мнѣ прихожанъ было еще и то обстоятельство, что при обычныхъ посѣщеніяхъ прихожанъ причтомъ всегда угощали его хмѣльными напитками, а я отказывался отъ нихъ. «Ну извините,—замѣчалъ иногда съ язвительностію хозяинъ,—чѣмъ богаты, тѣмъ и рады. Вы можетъ быть тамъ въ семинаріи пріучены къ винамъ, а у насъ ихъ не водится».

Квартиру мнѣ отвели въ церковной школѣ. Это была простая маленькая избенка объ одной комнатѣ съваристою печкою и смазаннымъ глиною землянымъ поломъ. Я не гнушался и этой квартирой, потому что изъ дѣтства привыкъ къ подобному помѣщенію у своего отца, но вотъ что затрудняло меня; я безъ всякой прислуги долженъ былъ самъ и стряпать себѣ пищу, и воду носить, и сбирать топливо. Пока тянулась осень, я хлѣбъ имѣлъ отъ церковнаго приносу. Во время дмитровскихъ субботъ отъ панихидъ мнѣ доставалось довольно и кнышей и паляницъ, только дровъ недоставало; я не просилъ, а прихожане не догадались сами

дать мнѣ отопленіе. Пришлось бы пропадать отъ холода, если бы не помогло особенное обстоятельство. Воры покушались обокрасть церковь. Священникъ настоятельно потребовалъ, чтобы къ церкви приставленъ былъ постоянный сторожъ,—и прихожане назначили сторожемъ старика, который лѣтомъ берегъ царину, и присудили ему жить со мною. Сначала это показалось для меня обиднымъ, но послѣ, присмотрѣвшись къ уживчивости, находчивости и невозмутимой добротѣ этого старика, я полюбилъ его и часто отъ нечего дѣлать слушалъ его незатѣйливые разсказы. О дровахъ мнѣ нечего было тужить. Школа стояла подлѣ болота, поросшаго тростникомъ. Каждый день сторожъ набьетъ полу коскомъ, снопъ—другой тростнику, и затопитъ въ избѣ печку, испечетъ въ ней картофелю и даже наваритъ кашицы. Стало мнѣ жить хоть и неприглядно, за то и сыто и тепло. Я началъ подумывать, какъ бы не даромъ жизнь тратить и заявилъ священнику, чтобы онъ предложилъ прихожанамъ завесть школу для обученія дѣтей. «Скажите прихожанамъ, что вотъ у насъ и учитель готовый есть,—стоитъ только выстроить школу, да посылать въ нее ребятишекъ, или, пожалуй, дать готовый домъ, оставшійся пустымъ послѣ вымершей въ прошлую холеру семьи».—Да, сказалъ священникъ,—къ Науму можно бы учредить школу. Вѣдь это, по вашему мнѣнію, такъ легко сдѣлать. Это хорошее дѣло вы задумали, но по моему, еще лучше было бы, еслибы у насъ въ селѣ вмѣсто приходской школы учредить разомъ и бурсу и семинарію. Тогда, видите, дѣло пошло бы куда какъ лучше?—Я хотѣлъ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія на эту злую насмѣшку, но священникъ не далъ мнѣ выговорить слова и продолжалъ: «тогда, видите, мужикъ—всякій мужикъ отдалъ бы сына въ науку, тратилъ бы по-

слѣднюю трудовую копѣйку на книги, на приличное платье, пожалуй еще и за право ученія, чего, слава Богу пока еще нѣтъ въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, а потомъ, когда училищное начальство благоусмотритъ, что такой-то и такой-то ученикъ мало-способенъ, или не расположенъ къ наукѣ, то выгонитъ его изъ училища и—останется изъ мальчика—ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга».—Такими же убѣжденіями, подъ вліяніемъ священника, были проникнуты и всѣ прихожане. Мысль о школѣ надобно было оставить. Нужно было думать, какъ прожить: чѣмъ одѣться, во что обуться, чѣмъ прокормиться. Эту тяжелую заботу прилично облегчалъ для меня мой сожитель—старикъ. Смотришь бывало, съ вечера ничего нѣтъ въ хатѣ съѣстнаго, а поутру у Архипа (такъ звали старика) и капуста есть, и картофель, и лукъ, и крупа и хлѣбъ. Гдѣ онъ это доставалъ, и на какія средства, этого я тогда не могъ понять. Послѣ уже дознался я, что все это было выпрошено у прихожанъ, такъ сказать, ради Христа, во имя моего безпомощнаго состоянія. Вотъ такъ-то безъ горя и печали, хоть и безъ утѣхъ и наслажденій, прозябали мы съ Архипомъ, за то уже не зябли. Къ празднику Рождества Христова, когда совершенно замерзло топкое болото, Архипъ натягалъ изъ него цѣлый стогъ тростнику. Топить печку было чѣмъ,—натапливалъ ее старикъ до того, что въ хатѣ было жарко. Но къ самимъ праздникамъ рождественскимъ ударили трескучіе морозы. Наше бѣдное топливо оказывалось несостоятельнымъ нагрѣть нашу лачужку. Пришла кутья, Архипъ гдѣ-то разстарался устроить къ ней все, какъ слѣдуетъ. На столѣ онъ наставилъ и кутью съ медомъ и взваръ изъ яблокъ, грушъ и вишенъ, и отваръ изъ вьюновъ съ огурцами и лукомъ, и даже нѣсколько пирожковъ съ кашею и

кислою капустою. Пока онъ занимался приготовленіемъ «*кутьи*», я занялъ подлѣ печки мѣсто кочегара и думаю себѣ: постой, старикъ, и я подсоблю тебѣ. Ты все клалъ маленькіе сверточки тростника, и—то и дѣло ворочалъ ихъ кочергою, а я—побольше всуну въ печку тростнику, и натоплю печь, какъ слѣдуетъ. Всуну, сколько могу зацѣпить въ охабку, тростнику въ печку,—онъ вспыхнетъ яркимъ пламенемъ, и—потомъ мало по малу притухнетъ. Я подкладываю другой снопъ, третій и такъ далѣе, доколѣ печка не оказалась полна жару. Старикъ, зажегши предъ образомъ лампадку, предложилъ мнѣ, чтобы я прочиталъ молитву предъ кутьею.—Какую же, спросилъ я его?—Извѣстно какую—рождественскую,—и я прочиталъ: *Рождество твое Христе Боже нашъ*... и *Дѣва днесь пресущественнаго раждаетъ*. Помолившись, мы сѣли за столъ. Я хотѣлъ взяться за ложку;—«погодите», удерживая мою руку, сказалъ Архипъ: «такъ не годится начинать трапезу на святой вечеръ. Надо напередъ помянуть покойниковъ». И онъ вынулъ изъ поставка, гдѣ у него была кухонная посуда, бутылочку и шкаликъ. «Надобно, говоритъ, непремѣнно выпить за упокой родителей и потомъ за свое здоровье».—Я безпрекословно повиновался распоряженіямъ Архипа по хозяйственной части, но въ этомъ случаѣ попротиворѣчилъ ему.— «Ты вѣдь знаешь, Архипъ, что я ни за живыхъ, ни за мертвыхъ не пью ни въ будни, ни въ праздники, такъ къ чему мнѣ приставать къ вашему хоть и старому,—но непохвальному обычаю. Развѣ душенькѣ покойныхъ будетъ легче, когда я за спасеніе души ихъ напьюся пьянъ?» Архипъ не возразивъ ни слова, перекрестился, сказалъ: царство небесное, вѣчный покой такому-то и такой-то,—и выпилъ рюмку водки, а потомъ сказалъ мнѣ: «Вы меня извините, я вѣдь

хорошо знаю, что вы не пьете ничего хмѣльнаго никогда, но и дѣти тоже не пьютъ, а въ этотъ святый вечеръ и имъ даютъ водки».—Покушали мы и, помолившись Богу, я тотчасъ легъ спать, чтобъ выспаться до заутрени. А дѣдъ, убралъ со стола, заглянулъ въ печку и промолвилъ себѣ подъ носъ: «ого, нажарилъ порядочно печку и—закрылъ трубу».—«Ну теперь, говоритъ, Господи благослови послѣ трудовъ и заснуть сномъ праведника».—Перекрестился, погасилъ каганецъ и легъ спать подлѣ печки; а я спалъ подлѣ двери въ уютномъ уголку. Долго ли я спалъ,—не могу опредѣлить; мнѣ стало жарко и тошно. Я поднялся, чтобы напиться воды; но только что ухватился за притолоку двери, какъ голова у меня закружилась; я упалъ и потерялъ сознаніе.

Меня нашелъ пономарь, пришедшій звонить къ утренѣ лежащимъ на полу къ двери, которая первымъ моимъ натискомъ была нѣсколько притворена. Почуявъ сильный угаръ изъ хаты, и увидѣвъ меня полумертвымъ, пономарь поднялъ тревогу. Сбѣжались прихожане смотрѣть и разъузнать, что такое случилось. Подоспѣлъ, говорятъ, наконецъ и священникъ. «Что тутъ такое?» спрашиваетъ онъ у прихожанъ.—Да вотъ панычь псаломщикъ угорѣлъ.—«Ну чтожъ, и безъ него отправимъ службу—онъ и то у насъ ни грачь, ни помогачь».

Что со мною дѣлали, и какъ привели меня въ память, этого я доселѣ не знаю. Знаю только, что очнувшись отъ забытья, я увидѣлъ, что лежу не въ грязной школкѣ, а въ чистенькой комнатѣ. Церковный староста, мужикъ зажиточный и добродушный, сжалился надо мною и перенесъ меня къ себѣ въ домъ. Онъ же съ семействомъ заботился, какъ зналъ, и объ излеченіи меня отъ угара. Угаръ былъ такъ силенъ, что я послѣ него пришелъ въ совершенную

память не раньше двухъ недѣль. Оправившись немного и поблагодаривши старосту за его заботы обо мнѣ, я хотѣлъ опять перейти въ свою школку. «Какъ вы пойдете туда, замѣтилъ добрый староста, чѣмъ и съ кѣмъ будете тамъ жить? Вѣдь праздники прошли, и доходъ, какой вы могли бы получить о святкахъ отъ прихожанъ, утерянъ вами. А сторожа Архипа, который вамъ прислуживаъ, нѣтъ уже. Отдалъ Богу душу тогда же, какъ и вы угорѣли, такъ и нашли его мертвымъ подлѣ печки. Оставайтесь у меня, пока найдемъ другаго сторожа». Я съ благодарностію принялъ радушное предложеніе старосты, но потомъ увидѣлъ, что нѣсколько стѣсняю его семью. У старосты была дочка — невѣста. Могли недобрые люди оклеветать и меня и ее, поэтому я послѣ масляницы перешелъ опять на житье въ прежнюю свою квартиру.

Великій постъ былъ для меня по истинѣ временемъ труда и постничества. Ежедневныя и незнакомыя мнѣ службы затрудняли меня. Священникъ, видимо, былъ не доволенъ мною и громогласно изъ олтаря поправлялъ мои ошибки. Особенно страстная недѣля, съ своими самогласными, была для меня тяжелою. Я простудился въ холодной церкви, меня душилъ кашель и заставлялъ прерывать чтеніе. Послѣ свѣтлыхъ праздниковъ я началъ оправляться, но свѣтлыхъ дней все таки не видѣлъ. Прихожане принялись за полевыя и огородныя работы, а мнѣ нечего было дѣлать; я скучалъ и грустилъ. Читать было нечего, и я началъ писать для себя эти записки.

Дописалъ я однажды ихъ до этого мѣста, какъ нежданно вошелъ ко мнѣ молодой военный человѣкъ. «Здорово, Степанъ, узнаешь меня?» — Какъ не узнать, — вслушавшись въ его голосъ, сказалъ я, — какъ не узнать беззаботнаго

Сергѣя. Но, скажи, какими судьбами ты изъ псаломщика очутился въ военной службѣ?—«А очень просто: нужда заставила. Приходъ, гдѣ я псаломничалъ, былъ порядочный; я не нуждался въ пропитанiи и даже квартира у меня была несравненно чище и лучше твоей. Священникъ со мною обходился ласково и привѣтливо, и прихожане любили. Бывало, гдѣ въ гостяхъ священникъ, тамъ и я; потчиваютъ священника,—не обносятъ чаркою и меня. Ну, а ты знаешь, что я и въ семинарiи еще любилъ при случаѣ кутнуть. Но тамъ это было рѣдко, а тутъ приходилось частенько идти изъ гостей подъ хмѣлькомъ. Не хорошо это, думаю себѣ; этакъ, пожалуй, разопьешься. Однакожь дума эта не мѣшала мнѣ разгонять ее то водкою, то наливочкой. Выпьешь бывало,—на душѣ какъ будто легче,—этакая въ ней поэзiя. Иду разъ подъ хмѣлькомъ изъ гостей и слышу дѣвичьи пѣсни. Эхъ, думаю, пойти и себѣ въ хороводъ, но какъ то Богъ миловалъ,—не пошелъ. Помогъ классицизмъ, припомнилъ стихъ этотъ: Quo me rapis, Bacche, tui plenum? да и повернулъ оглобли на квартиру. Но то-то и бѣда, что и въ квартирѣ было не безъ искушенiя. Да что и говорить о паденiяхъ. Они свойственны человѣку и даже простительны, по суду большинства».

— Но вѣдь ты никакъ не принадлежишь къ этому большинству; ты вспомнилъ бы, что готовишься къ святому званiю пресвитера, которому подобаетъ быть цѣломудренну.

«Погоди, не попрекай преждевременно. Что сдѣлано, и сдѣлано хоть и неосмотрительно и глупо, того не воротишь. Но у меня, братъ, душа не до того уже очерствѣла, чтобы я рѣшился послѣ того поступить во священники. Нѣтъ, братъ, на это не достало бы у меня отваги. Ну что же теперь остается дѣлать? подумывалъ я».

— А что? надобно было жениться...

«Ну нѣтъ,—жениться на мужичкѣ и быть самому цѣлый вѣкъ мужикомъ,—на это у меня не достало самоотверженія. Одно средство оставалось мнѣ: выйти изъ той колеи, по которой я доселѣ шелъ. Ultra Sauromatos hinc fugere licet, задумалъ я. Но куда, и какъ бѣжать? Пошелъ бы въ университетъ, но чувствую, что не подготовленъ къ нему и не выдержу пріемнаго экзамена; а если бы и выдержалъ, то чѣмъ буду содержаться? Поступилъ бы въ гражданскую службу,—но тамъ на первый разъ не дадутъ никакого жалованья, и послѣ пришлось бы тянуть лямку, можетъ быть цѣлый вѣкъ за семь съ полтиною въ годъ. Поступилъ бы куда либо на сахарный заводъ, или на желѣзную дорогу; но въ контору промышленнаго заведенія я не гожусь, потому что учили меня ариѳметикѣ плохо, а на желѣзной дорогѣ и того болѣе не подыщу себѣ мѣста. Притомъ же и голова на шеѣ не крѣпко тамъ держится, особенно у такихъ людей, которые любятъ выпить».

— Странный ты человѣкъ,—прервалъ я его наконецъ,—мечешься во всѣ стороны; почему же ты не держался одной торной колеи, по которой ѣхалъ съизмала. Отчего не достало терпѣнія вмѣсто науки, которая сказать правду, не очень то давалась тебѣ, поучиться у опыта.

«Да учился же и у опыта и вотъ до чего доучился».

— Плохо, братъ; видишь, куда привела тебя твоя недоученность, а потомъ и разнузданность:—къ тѣмъ сказочнымъ распутіямъ, что по одной дорогѣ пойдешь,—звѣрь съѣстъ, по другой—разбойники убьютъ, по третьей—либо утопать, либо попадать на висѣлицу. По какой же дорогѣ-то ты теперь пошелъ?

«А кто его знаетъ,—кажись по всѣмъ по тремъ, все равно погибать, лишь бы не попасть на четвертую—по духовной части, по которой я долго шлялся, но какъ древній Израиль, вышедшій изъ Египта, въ Палестину не попалъ. Правда и я, какъ жиды, сапогъ мало избилъ во время странствованія въ бурсѣ и семинаріи, но не потому, чтобы они у меня были неизносимы, какъ у жидовъ, а потому, что ихъ давали въ годъ только по одной парѣ. Припоминаю съ горечью бурсацкую жизнь свою, и еслибъ тенерь опять заставили меня воротиться въ бурсу на полное казенное содержаніе, я несомнѣнно бѣжалъ бы изъ нее куда попало».

— Ultra Sauromatos? А скажи-ка изъ какого поэта этотъ стихъ.

— А Господь его знаетъ. Я помню пропасть латинскихъ стиховъ, даже проскандую нѣкоторыя, напр. Dum tener es, Muret' auidis haec auribus audis. А спроси меня, что это за стихъ и откуда онъ взятъ,—не съумѣю отвѣтить».

Въ это время на улицѣ послышался звукъ барабана.

«Э, засидѣлся у тебя, пріятель. Мы братъ съ полкомъ только на перепутьѣ въ вашемъ селѣ. Я узналъ случайно, что ты, моя невинность, здѣсь,—и выпросился у ротнаго командира на минуточку забѣжать къ товарищу по школѣ».

«Ну, прощай, будь здоровъ,
Ще побачимся вдвохъ,
Оставайся, мій друже, счастливъ».

Разсказъ Сергѣя привелъ меня въ раздумье. Боже мой, подумалъ я, вѣдь вотъ, еслибы онъ женился тотчасъ, по окончаніи курса, то не впалъ бы въ искушеніе. И сколько, кромѣ него, невинныхъ юношей, которые съ безукоризненною совѣстію приняли бы рукоположеніе, вслѣдствіе долго-

временнаго искуса, могутъ такъ же, какъ и онъ, оказаться недостойными священнаго сана! И сколько ихъ выбудетъ изъ кандидатовъ во священство, и пойдетъ по разнымъ жизненнымъ путямъ, которые неизвѣстно куда приведутъ ихъ,—къ добру или къ худу. А между тѣмъ на восполненіе выбывающихъ изъ бывшаго духовнаго сословія, какъ слышно, мало охотниковъ изъ другихъ сословій. Никому не хочется закабалить себя въ этотъ замкнутый status in statu, гдѣ видишь во всемъ ограниченія и приниженія, сравнительно съ государственною службою—и по правамъ, и по окладамъ, и по пенсіямъ. Что-то будетъ далѣе съ нашимъ и безъ того недостающимъ духовенствомъ?.. И много ли изъ моихъ товарищей найдется такихъ, которые выдержатъ псаломщицкое испытаніе терпѣливо и безукоризненно. Вотъ и я, пріученный изъ дѣтства къ сдержанности и терпѣнію, наконецъ колеблюсь, не отъ того, что жизнь моя не красна въ настоящемъ положеніи, но отъ того, что и по окончаніи этого тяжелаго искуса, не предвижу для себя ничего радостнаго и добраго. Жениться теперь—нѣтъ средствъ. Да и какая порядочная дѣвица рѣшится пойти за псаломщика, а если женюсь около тридцати лѣтъ, если потомъ Богъ благословитъ меня семействомъ, то я состарѣюсь прежде, чѣмъ успѣю воспитат и пристроить дѣтей и оставлю ихъ безпомощными сиротами, которыхъ и досего было много въ духовенствѣ. Да и какой изъ меня выдетъ священникъ? Положимъ, я, съ Божіею помощію, не утрачу нравственной чистоты, но ужь вѣрно растеряю всѣ познанія, какія пріобрѣлъ въ семинаріи. Вѣдь вотъ, при нашей церкви, кромѣ церковно-богослужебныхъ книгъ, нѣтъ никакой библіотеки. И мало ли такихъ церквей, при которыхъ съ трудомъ можно найти нѣсколько

старинныхъ церковно-славянскихъ книгъ, да собраній архіерейскихъ поученій; а что сказать о познаніяхъ въ латинскомъ и греческомъ языкахъ, которыя съ такимъ многолѣтнимъ трудомъ мною пріобрѣтены? Все позабудется, потому, что вотъ и здѣсь, напримѣръ, ни за что не достанешь ни латинской, ни греческой книжки. Нѣтъ даже евангелія на греческомъ языкѣ. И выходитъ что трудъ изученія древнихъ языковъ для насъ есть въ собственномъ смыслѣ labor improbus—трудъ неблагодарный.

Я узналъ это, когда былъ еще въ семинаріи, но думалъ, что Богъ поможетъ мнѣ, по вступленіи священникомъ на приходъ восполнить этотъ недостатокъ. Я замышлялъ создать, такъ сказать, вновь библіотеку при церкви для прихожанъ, а для себя, думалъ, буду покупать на собственныя средства книги, какія мнѣ будутъ пригодны для пастырскаго служенія и нужны для продолженія своего научнаго воспитанія. Гдѣ же у меня теперь эти средства? Я, благодареніе Богу, и не блудный сынъ, но чуть чуть не питаюсь тѣмъ, что ѣдятъ свиньи. Заявлялъ я какъ-то священнику, что хорошо бы обзавестись при церкви хоть маленькою библютекою. «Да, сказалъ онъ, еще лучше, еслибы въ основаніе ея, на первый разъ выдали хоть учебники, по которымъ зубрили въ семинаріи... До книгъ ли намъ,—продолжалъ священникъ,—когда мы давно задумали отлить колоколъ на славу. Такъ неужели прикажете употребить на библіотеку деньги, которые уже лѣтъ пятнадцать собираемъ на это богоугодное дѣло?» Къ несчастію, подумалъ я, не одинъ мой настоятель такихъ мыслей. Подобныхъ ему, малообразованныхъ священниковъ, еще множество на широкой Руси; но благодареніе Богу это множество составляетъ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, меньшинство. При

многихъ и многихъ церквахъ есть уже и библіотеки и школы и удобный пріютъ для псаломщика—учителя. Но мнѣ не судилъ Богъ попасть въ село съ такою благодатною обстановкою. Мнѣ становится наконецъ въ тягость моя безталанная жизнь. Правду сказалъ Сергѣй: hinc fugere licet. Но и я спрашивалъ себя, какъ и онъ, куда и зачѣмъ и съ какими средствами убѣгу я отсюда? Вѣдь я и приготовленъ только къ священнической должности, а ко всѣмъ другимъ занятіямъ нисколько не подготовленъ. Ремесла никакого не знаю, счетоводство тоже плохо смыслю, силъ физическихъ мало,—ни въ поденщики не гожусь, ни въ военную службу. Пошелъ бы я куда-нибудь въ домашніе учители, но и туда теперь требуютъ преимущественно такихъ, которые получили образованіе въ гимназіяхъ и университетахъ, обучалъ бы хоть простолюдинскихъ мальчиковъ въ школѣ, но о школѣ, какъ я сказалъ уже, нечего и думать въ нашемъ селѣ.

К. Д.

ИЗЪ ПАЛЕСТИНСКИХЪ ВПЕЧАТЛѢНІЙ.

Еще у Галилейскаго моря.

Какъ радъ тебѣ я, лоно голубое!
И какъ опять минуты хороши!
Прекрасное, священное, живое,
Привѣтъ тебѣ отъ сердца и души!

*

Привѣтъ тебѣ съ твоими берегами,
Овальною равниной ясныхъ водъ

И старыми скалистыми горами,
Хранящими тебя изъ рода въ родъ.

*

Ты блещешь мнѣ какъ подъ завѣсой сизой,
Съ живой игрой сверкающихъ лучей,
Какъ будто бы окутанное ризой,
Съ алмазами горящими по ней.

*

И горы тѣ и пальмы надъ стѣнами
Приподнялись и смотрятъ на струи,
И радостно, подземными путями,
Незримые спѣшатъ къ тебѣ ручьи.

*

Гляжу кругомъ, но съ жизнью не встрѣчаюсь,
Внимаю лишь молчанью одному...
Чему-жь я радъ? чему я поклоняюсь?
Прошедшему святому твоему!

*

Твои струи, окраины, вершины
Рисуютъ мнѣ таинственно собой
Минувшія завѣтныя картины
Великихъ дней, мелькнувшихъ надъ тобой.

*

Душа дрожитъ, объ нихъ воспоминая,
И рвуся я въ былой далекій вѣкъ,
Когда уча, любя, благословляя,
Здѣсь странствовалъ и Богъ и человѣкъ.

*

Здѣсь сыпалъ Онъ и въ словѣ и на дѣлѣ
Всѣмъ милости изъ сердца Своего,

И кажется, что будто и доселѣ
Здѣсь слышится присутствіе Его....

*

Вотъ словно тамъ стоитъ толпа народа,
У берега убогая ладья,
И жмутся къ ней, боясь Его ухода:
Скорѣй туда! и стану слушать я.

*

Взглянуть бы мнѣ,—но ликъ весь заслонили
И старъ и малъ, столпившись широко,
Глядятъ, молчатъ, дыханье затаили,
И рѣчь въ сердца ложится глубоко.

*

Вотъ тихо Онъ отплылъ на глубь морскую
И мирно спитъ, среди друзей Своихъ;
Но вѣтеръ вдругъ повѣялъ бурю злую,
И волны бьютъ и хлещутъ въ лодку ихъ:

*

«Спаси!—кричатъ—мы тонемъ!»... Вѣра снова
Исчезла въ нихъ, смятенье разлилось:
И Онъ восталъ, взглянулъ, промолвилъ слово—
И вѣтеръ стихъ, и море улеглось!...

*

Все это здѣсь свершалось чудотворно,
И предо мной свидѣтели того:
Вотъ озеро, что слушалось покорно,
Вотъ горы тѣ, что слышали Его!

*

О, гдѣ *они*?... Гляжу, вотъ словно встрѣчу...
И долго тамъ стою я недвижимъ:

Быть можетъ ихъ хоть издали замѣчу—
И понесусь душой и сердцемъ къ нимъ...

*

Нѣтъ, пусто все! Здѣсь только лишь евреи,
Порвавшіе съ Христомъ живую связь,
И между ихъ—корыстныя затѣи,
А около—развалины да грязь!

*

Нѣтъ пусто все! И только бедуины
На той странѣ кочуютъ надъ костромъ,
И бѣлый дымъ да голыя вершины
Одни глядятся въ лонѣ голубомъ!...

* * *

Май 1874 г.
Тиверіада.

С. Пономаревъ.

ПО СЛАВЯНСКОМУ ВОПРОСУ.

Грустныя, безотрадныя мысли возбуждаетъ настроеніе умовъ западно-европейскаго общества, выражающееся въ его мрачномъ, злорадномъ отношеніи къ нашимъ страждущимъ братьямъ славянамъ, а въ лицѣ ихъ ко всему справедливому, человѣчному. Вглядитесь въ оцѣнку балканскихъ событій западно-европейцами. Они принимаютъ въ разсчетъ только матеріальныя силы, только практическія соображенія: не приходитъ даже въ голову того, что на исходъ дѣла можетъ имѣть вліяніе какая либо нравственная сила, какая либо идея. Уже поэтому,—каковъ бы ни былъ этотъ исходъ,—настоящій моментъ навсегда останется памятнымъ въ исторіи,

ибо онъ съ ужасающею яркостію выясняетъ, что, достигши высокой образованности, Европа не достигла вмѣстѣ съ тѣмъ высокой нравственности,—что опытъ цѣлаго ряда вѣковъ научилъ ее только ставить выше всего свои выгоды, свои практическіе расчеты. До сихъ поръ Европа пальцемъ не шевельнула для облегченія участи болгаръ, до сихъ поръ она остается спокойной и хладнокровной зрительницей истребленія сотенъ тысячъ неповинныхъ людей. Въ поводахъ, руководящихъ дѣйствіями запада, мы найдемъ все: и денежныя, матеріальныя выгоды, и зависть, и ненависть,—не найдемъ только чувства человѣчности, чувства любви. Взглянемъ каковы эти поводы. Англія прямо заинтересована въ славянскомъ восточномъ вопросѣ. Она боится, въ случаѣ освобожденія славянъ, ослабленія Турціи, которое поведетъ за собою матеріальный ущербъ для нея самой. Освобожденіе славянъ, кромѣ того, усилитъ Россію, которой Англія недоброжелательствуетъ за ея побѣды и пріобрѣтенія въ Азіи. Еще болѣе живо затрогиваетъ славянскій вопросъ Австрію. Австрія—государство, состоящее изъ нѣмецкаго, венгерскаго и славянскаго элементовъ, изъ которыхъ послѣдній находится въ подчиненномъ положеніи, не смотря на всю свою многочисленность. Это существованіе въ государствѣ многочисленнаго славянскаго населенія и заставляетъ Австрію опасаться возникновенія на ея границѣ свободныхъ славянскихъ государствъ, могущихъ, чего добраго, перетянуть къ себѣ это единовѣрное и единоплеменное имъ населеніе. Поэтому Англіи и Австріи выгодно поддерживать Турцію. Но въ то же время и та и другая сознаютъ конечно, что нѣтъ никакой возможности удержать отъ паденія государство обнаруживающее столь явные признаки разложенія, какъ Турція. Помощь, оказываемая Турціи Австріею, въ особенности же

Англією, клонится къ совершенному истребленію славянъ въ Турціи. Страшное слово: истребить нѣсколько милліоновъ людей! Съ отвращеніемъ отвергнулись бы мы отъ этой мысли, какъ слишкомъ немыслимой для XIX вѣка, если бы она не подтверждалась, къ несчастію, тѣмъ, что совершилось и совершается нынѣ. Сотни селеній болгарскихъ выжжены, сотни тысячъ болгаръ убиты и каждый день приходятъ вѣсти о новыхъ и новыхъ убійствахъ и опустошеніяхъ, производимыхъ турками. Турецкимъ войскамъ раздаютъ зеленое знамя пророка для веденія «священной войны», т. е. безпощаднаго, поголовнаго истребленія христіанъ. «Болгарія скоро превратится въ пустыню»—вотъ что пишутъ отовсюду. Вполнѣ ясно, что турки сами ни за что не отважились бы на такія злодѣйства. Объ нихъ не было и помину, когда при Абдулъ-Азисѣ генералъ Игнатьевъ пользовался вліяніемъ на Турецкія дѣла. Убійства начались лишь тогда, когда въ Константинополѣ получилъ, при султанѣ Мурадѣ, преобладаніе англійскій посланникъ. Люди, стоящіе во главѣ новаго правительства прямо говорятъ объ истребленіи христіанъ,—а они стоятъ подъ покровительствомъ лорда Элліота. Противъ такой безсердечной политики послышалось, правда, въ Англіи, нѣсколько голосовъ лучшихъ людей, потребовавшихъ съ негодованіемъ, чтобы недостойное поощреніе гнуснымъ злодѣйствамъ было прекращено, но эти голоса затерялись пока безслѣдно, и англійское правительство по прежнему хладнокровно—одобрительно продолжаетъ созерцать ужасную драму. Такое истребленіе христіанъ выгодно и Австріи, ибо чѣмъ меньше будетъ въ Турціи славянъ, тѣмъ для нея безопаснѣе. Но чѣмъ руководятся Германія и Франція, равнодушно смотрящія на происходящую бойню? Пусть нѣмцы были исконными врагами славянъ, пусть

издавна вездѣ, гдѣ славяне и германцы жили рядомъ, они находились всегда въ ожесточенной борьбѣ; благодѣтельное вліяніе цивилизаціи нашего вѣка, въ особенности же просвѣтленное пониманіе началъ христіанства, могло бы, кажется, уничтожить племенную ненависть. Французамъ нѣтъ даже историческихъ причинъ враждебно относится къ славянамъ, и между тѣмъ Франція не выказала никакого сочувствія, и почти вся печать французская, (кромѣ развѣ Емиля Жирардена), держится враждебнаго славянамъ направленія. Неужели и здѣсь ненависть къ славянамъ вытекаетъ изъ боязни усиленія Россіи? По истиннѣ удивительно согласіе сихъ великихъ державъ во враждѣ къ славянству, основанное на зависти и неправдѣ. Не вѣра ли, не православіе ли тутъ причиною? *(Моск. епарх. вѣд. № 32).*

Но и въ нѣдрахъ православія замѣчается нѣчто неутѣшительное. Не удивительно, что папа высказывается противъ страдающихъ и борющихся за вѣру и свободу славянъ, которые—съ его точки зрѣнія—прежде всего не люди и христіане, а Фотіевы схизматики; не удивительно, что армянскій патріархъ приглашаетъ турецкихъ армянъ къ пожертвованіямъ на военныя издержки блистательной Порты. Удивительно, горько и больно то, что подобное же приглашеніе, обращенное къ православнымъ грекамъ, слышится и отъ святѣйшаго патріарха константинопольскаго.

Вотъ прискорбное воззваніе константинопольскаго патріарха Іоакима къ православнымъ грекамъ Константинополя и Галаты о сборѣ пожертвованій въ турецкую казну по случаю войны турокъ съ православными славянами.

«Іоакимъ, Божіею милостію архіепископъ Константинополя, новаго Рима, и вселенскій патріархъ. Почтеннѣйшіе клирики нашей великой Христовой церкви и благоговѣйные

іереи и преподобнѣйшіе іеромонахи, почтеннѣйшіе попечители святыхъ церквей и всѣ прочіе благословенные христіане города Галаты и нашей мѣстности, возлюбленныя о Господѣ чада нашего смиренія, благодать вамъ и миръ отъ Бога, а отъ насъ молитва, благословеніе и прощеніе. Всѣмъ вамъ конечно извѣстны мятежи, которые подняли въ разныхъ частяхъ сильной и непобѣдимой (?!) имперіи нѣкоторые подданные ея, забывъ объ обязанностяхъ подчиненія и покорности ей, и извѣстны также и великія издержки, на которыя вынуждено досточтимое наше правительство къ прекращенію возстанія и возстановленію общаго спокойствія и мира. Для этой цѣли несомнѣнно обязаны (?!) поддерживать его и помогать ему и всѣ мы, вѣрные подданные его, содѣйствуя не только исполнительностію и преданностію нашею вообще распоряженіямъ, благодѣтельнымъ для общаго спокойствія и мира имперіи, но и вещественно облегчая его въ великихъ издержкахъ, на которыя оно вынуждено для возстановленія мира, добровольными нашими пожертвованіями, дабы такимъ образомъ съ одной стороны показать благожелательныя наши къ нему чувствованія *за многія и великія благодѣянія, которыя оно не перестаетъ ежедневно доставлять намъ, стараясь и заботясь о безопасности нашей жизни и имущества и о мирной жизни нашей, развитіи и преуспѣяніи и вообще благоденствіи насъ* вѣрныхъ подданныхъ его, а съ другой позаботиться непосредственно по обязанности о спокойствіи и мирѣ нашемъ и безопасности собственныхъ нашихъ выгодъ, которыхъ цвѣтущее состояніе и преуспѣяніе зависитъ отъ общаго мира и спокойствія всей державы.

«По всѣмъ этимъ причинамъ, исполняя дѣло (?!) попеченія о церкви, мы побуждаемся напомнить вамъ, благо-

словеннымъ христіанамъ и вѣрнымъ подданнымъ императорской державы, о священной (?!) обязанности вашей вещественно поддержать могущественное правительство добровольнымъ вашимъ денежнымъ сборомъ. Для чего и пишемъ настоящее наше патріаршее воззваніе и, преподавая изъ глубины души отеческія наши благословенія, предлагаемъ и увѣщеваемъ, чтобы вы, принявъ во вниманіе святость долга (?!), который мы изъяснили вамъ, постарались каждый по силѣ и благорасположенію выразить это благороднымъ и щедрымъ пожертвованіемъ, вписывая собственною рукою въ спискѣ, который мы предлагаемъ завести попечителямъ каждой церкви, такое ваше пожертвованіе, и вручить его тѣмъ, которымъ мы поручаемъ заботиться объ этомъ, дабы по окончаніи сбора они передали собранное съ именнымъ спискомъ въ находящійся въ Высокой Портѣ комитетъ, публикующій въ печати имена жертвователей и количество каждаго пожертвованія. Такъ поступайте, чтобы вамъ и показать благожеланіе ваше благодѣтельному нашему правительству и содѣйствовать общему спокойствію и миру сего общаго нашего отечества, и сдѣлать досточтимое наше правительство ревностнѣйшимъ о нашемъ благоденствіи и счастіи, являя благоприличною нашу націю и *доставляя поводы къ похваламъ ей, о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ*, (?!) котораго благодать и безпредѣльная милость, съ нашею молитвою и благословеніемъ, да будетъ со всѣми вами».

Это приглашеніе, какъ слышно дало до 7000 лиръ (примѣрно до 50000 р. с.) въ казну блистательной Порты. Если что можетъ примирить православнаго человѣка съ патріаршимъ воззваніемъ, то развѣ мысль, что оно вынуждено. Въ исторіи мы видимъ, что блаженный памяти патріархъ Григорій † 1821 г. апр. 10, современникъ борьбы Греціи

за независимость, извѣстный греческій патріотъ, въ концѣ концовъ замученный турками, вынужденъ былъ въ свое время издать подобное же увѣщаніе къ своей паствѣ о подчиненіи турецкому правительству.

За мѣсяцъ до своей мученической смерти патріархъ Григорій издалъ 11 марта 1821 г., по требованію Порты, страшную отлучительную грамату, въ которой призывалъ инсургентовъ къ повиновенію. «Ничто такъ не извѣстно,— говоритъ онъ въ началѣ своей граматы,—какъ то, что благодарность къ нашему благодѣтелю составляетъ первѣйшую изъ всѣхъ добродѣтелей, и что только развратнѣйшій изъ смертныхъ воздаетъ за добро неблагодарностію. Этотъ порокъ строго осужденъ въ свящ. Писаніи; Спаситель намъ объявляетъ его непростительнымъ, и неблагодарный предатель Іуда представляетъ намъ примѣръ, достойный поученія. Но если неблагодарность направлена злостнымъ, мятежническимъ образомъ противъ нашего общаго благодѣтеля и покровителя, противъ нашего свѣтлѣйшаго правительства, то она становится безбожною и отвратительною; потому что Христосъ сказалъ: «всякое царство, и всякое господство отъ Бога». Такимъ образомъ кто сопротивляется поставленному Богомъ надъ нами правительству, «Божію повелѣнію сопротивляется». Далѣе онъ называетъ инсургентовъ «людьми сумасбродными, которые и другихъ сманиваютъ въ пропасть порока». Ихъ союзъ—«пагубный заговоръ»; не друзья, но враги свободы тѣ, которые начали это «постыдное, безбожное и безразсудное дѣло». Они нарушили покой и миръ греческихъ подданныхъ Порты, «подъ защитою которой они пользовались столь многими привиллегіями и жили такъ свободно». «Никакой другой податной народъ,—говорилъ патріархъ,—не пользуется такими преимуществами: семей-

ства наши безпрепятственно пользуются своими имуществами и собственностію, честь ихъ не нарушена, равно какъ и свободное отправленіе религіи, и даже до настоящаго времени вѣра наша остается неприкосновенною. Поэтому наше отеческое попеченіе возлагаетъ на насъ (обязанность) удержать дальнѣйшее распространеніе зла, и посему мы повелѣваемъ всѣмъ нашимъ высокопочтеннымъ братіямъ, въ особенности же патріарху іерусалимскому, епископамъ, игуменамъ и всѣмъ священникамъ, равно какъ и всѣмъ мірскимъ предстоятелямъ—публично обнародовать обманчивые планы этихъ злоумышленниковъ, повсюду провозглашать ихъ людьми безумными и виновниками всякаго зла, и обращать на ихъ козни и измѣннические происки, по возможности, бдительное око». Клятва, которую инсургенты принесли ради своихъ «сатанинскихъ дѣлъ возмущенія», также недѣйствительна и безбожна, какъ клятва Ирода, повелѣвшаго обезглавить Іоанна крестителя. Поэтому церковь благодатію Св. Духа всѣхъ разрѣшаетъ отъ этой клятвы и раскаивающихся снова принимаетъ въ свои благодатныя нѣдра. «Дьявольскія предпріятія» упорствующихъ подвергнутся справедливому гнѣву правительства, и Церковь отлучаетъ ихъ отъ чистаго тѣла христіанской общины, какъ членовъ прокаженныхъ; она отвергаетъ ихъ какъ нарушителей божественныхъ и человѣческихъ законовъ, какъ презрителей священнаго долга благодарности къ своему благодѣтелю; она считаетъ ихъ ослушниками всѣхъ нравственныхъ и гражданскихъ опредѣленій, убійцами невинныхъ и безсовѣстными измѣнниками всего народа. Она отлучаетъ ихъ, пусть проклятіе падетъ на нихъ и да не возмогутъ нигдѣ отъ него укрыться; самая смерть не освободитъ ихъ отъ клятвы; вѣчная анаѳема да будетъ на нихъ и на всѣхъ тѣхъ, которые послѣдовали и еще

послѣдуютъ ихъ планамъ. Въ заключеніе патріархъ взывалъ ко всему клиру: «если вы возмутитесь противъ нашего благодѣтеля, свѣтлѣйшаго правительства, то мы объявляемъ васъ неспособными къ отправленію какой бы то ни было должности и силою всесвятаго Духа лишаемъ васъ степени архіерейства и іерейства, и считаемъ васъ повинными огню геенскому, какъ губителей всего греческаго народа» [1]).

Грамата патріарха не произвела никакого дѣйствія; она даже и прочтена не была. Мало кто заботился о проклятіи патріарха, что конечно согласовалось и съ внутренними чувствами и желаніями самаго патріарха.

Конечно сообразнѣе съ характеромъ православнаго пастыря было бы пострадать, чѣмъ давать подобныя грамата. Но благодать мученичества не всегда и не всякому дается. Вотъ единственная примирительная точка зрѣнія по отношенію къ современной граматѣ патріарха Іоакима.

ДУХОВЕНСТВО ВЪ БОЛГАРІИ.

Духовное сословіе довольно многочисленно въ Болгаріи, въ особенности тамъ много калуджировъ (монаховъ) и калуджирицъ (монахинь). Въ ущеліяхъ Балкановъ, Родопа и вообще во всѣхъ горныхъ мѣстностяхъ разсѣяно много монастырей, и многіе изъ нихъ пріютили въ своихъ стѣнахъ по нѣскольку десятковъ монаховъ. Самою большою извѣстностью пользуется монастырь св. Іоанна Рыльскаго, расположенный въ живописной долинѣ, среди Рыльскихъ горъ. Въ монастырѣ этомъ живетъ болѣе ста монаховъ и послушни-

---

[1]) Грамата была подписана константинопольскимъ и іерусалимскимъ патріархами и 21 митрополитами. Pichler, II, 345—347.

ковъ. Въ обширной съ пятью куполами церкви покоятся мощи св. Іоанна Рыльскаго, перенесенные сюда изъ Тернова въ 1469 году. Толпы богомольцевъ стекаются сюда къ 19-му октября (Ивановъ день)—всегда почти собираются около десяти тысячъ человѣкъ, и монастырь кормитъ весь этотъ людъ въ теченіи нѣсколькихъ недѣль, довольствуясь добровольнымъ, большею частью довольно малымъ, вознагражденіемъ за свое гостепріимство. Собственно монастырь живетъ пожертвованіями и дарами богатыхъ болгарскихъ купцовъ. Игуменомъ Рыльскаго монастыря до послѣдняго времени былъ живущій тамъ и въ настоящее время отецъ Неофитъ, неутомимый труженикъ на почвѣ отечественной литературы, переводчикъ евангелія, авторъ большаго болгарскаго словаря. На западѣ отъ Рыльпланины, въ западной Македоніи, монастырей еще болѣе, чѣмъ на склонахъ Балкановъ. Такъ, напримѣръ, въ окрестностяхъ Скопіи, на такъ называемой Черной горкѣ, 14 монастырей; въ Битольскомъ же округѣ ихъ около 70. Въ этой мѣстности особымъ уваженіемъ пользуются три монастыря, основанные учениками св. Іоанна Рыльскаго: Димитріемъ, Гавріиломъ и Прохоромъ.

У подножія Балканскихъ горъ, на разстояніи одной мили отъ Тернова, на правомъ берегу рѣки Янтри, расположился монастырь Свету Тройца, гдѣ живетъ около 50-ти калуджеровъ; и не смотря на это, въ окрестностяхъ города есть еще три другихъ монастыря, а на разстояніи четырехъ часовъ ѣзды встрѣчается еще пять монастырей: это не болѣе какъ бѣдненькіе, простенькіе домики съ церквами безъ куполовъ. Въ домикѣ живетъ нѣсколько монаховъ или свѣтскихъ священниковъ, не имѣющихъ приходовъ; живутъ они довольно удобно и санъ игумена считается очень выгоднымъ; за него прежде платили владыкѣ довольно значительныя суммы.

Есть и такіе монастыри, гдѣ одинъ или два монаха не вполнѣ успѣшно борются съ нуждою и бѣдностью.

Калуджери за исключеніемъ Рыльскихъ монаховъ одѣваются такъ же, какъ и свѣтское духовенство, т. е. они носятъ голубыя куртки, широкія темносинія шаровары, большія поясы, бѣлые чулки и туфли; зажиточные священники носятъ еще верхнюю одежду—длинную черную рясу, спереди растегнутую. Большинство духовныхъ рясъ вовсе не носитъ и отличается отъ мірянъ высокими цилиндрическими или расширенными кверху клобуками; этого клобука калуджеры или священники не снимаютъ и въ комнатѣ. Какъ въ одеждахъ, такъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, духовенство мало отличается отъ остальнаго населенія: оно такъ же необразовано, такъ же небрежно, занимается земледѣліемъ; по недостатку духовныхъ семинарій альфу и омегу священнической премудрости составляетъ умѣніе читать литургическія книги. (Церковн. Вѣстн. № 25).

ПРАВИЛА О ПРОДАЖѢ ВОСКОВЫХЪ СВѢЧЪ [1]).

«Въ Высочайше утвержденныхъ правилахъ 28-го августа 1808 года о продажѣ восковыхъ свѣчъ для церквей въ пунктѣ первомъ сказано:

I) О продажѣ гуртовой.

§ 1. Подъ именемъ гуртовой продажи свѣчъ разумѣется продажа ихъ вѣсомъ, а не счетомъ и не менѣе 20 ф.

---

[1]) Въ послѣднее время въ Кіевѣ не рѣдкостію стала розничная продажа восковыхъ свѣчъ въ лавкахъ, даже бакалейныхъ. Въ виду этого признается неизлишнимъ привести на память существующія на этотъ предметъ постановленія.

§ 2. Гуртовая продажа церковныхъ свѣчь имѣетъ быть производима: 1) при церквахъ, но единственно для снабженія свѣчами другихъ церквей; 2) съ фабрикъ; 3) въ тѣхъ лавкахъ, гдѣ единственно торгуютъ воскомъ и разными восковыми свѣчами, и 4) на городскихъ и сельскихъ ярмаркахъ.

§ 3. Гуртовая продажа свѣчь въ такъ называемыхъ мелкихъ лавочкахъ и во всѣхъ лавкахъ, имѣющихъ другіе разные товары, кромѣ свѣчь, привозимыхъ по временамъ на сельскія и городскія ярмарки, запрещается.

II) О розничной продажѣ.

§ 4. Продажа церковныхъ свѣчь въ розницу и счетомъ предоставляется единственно въ пользу церкви, и имѣетъ быть не иначе, какъ при церквахъ производима.

§ 5. Посему продажа церковныхъ свѣчь въ розницу во всѣхъ лавкахъ и лавочкахъ, также на торгахъ и на ярмаркахъ, запрещается.

§ 6. Церковные старосты обязаны содержать при церквахъ, сколько доходы ихъ позволить могутъ, всегда достаточное количество свѣчь на продажу, не только для употребленія въ церквахъ ихъ, но и для требованія стороннихъ людей и прихожанъ. Для сего дозволяется и поощряется устроить при знатнѣйшихъ церквахъ особыя заведенія для розничной продажи свѣчь на счетъ и въ пользу церкви.

III) О подлогѣ въ продажѣ церковныхъ свѣчь.

§ 7. Всякая продажа церковныхъ свѣчь, не сообразная правиламъ вышепоставленнымъ, есть подлогъ.

§ 8. Хотя нельзя предполагать, чтобъ кто либо дерзнулъ изъ алчнаго корыстолюбія корчемствовать имуществомъ, церкви принадлежащимъ, и противу совѣсти и закона покусился похищать себѣ доходъ, на церковныя заведенія предназна-

ченный: тѣмъ не менѣе, если бы паче чаянія гдѣ либо таковое злоупотребленіе могло существовать, признается нужнымъ въ отвращеніе и пресѣченіе его постановить слѣдующее:

§ 9. Градская и земская полиціи имѣютъ наблюдать, чтобъ розничной продажи нигдѣ кромѣ церкви, а гуртовой, какъ только въ тѣхъ мѣстахъ, кои для сего въ § 2 означены, не производилось.

§ 10. Церковные старосты, яко ближайшіе блюстители церковнаго имущества, бывъ обязаны долгомъ совѣсти и званія ихъ предупреждать и пресѣкать всякое расхищеніе церковнаго достоянія, имѣютъ надзирать, чтобы нигдѣ, а особенно во ввѣренномъ имъ приходѣ, противузаконной продажи свѣчь не происходило, гдѣ же таковую усмотрятъ, должны немедленно доносить полиціи для поступленія съ таковыми по нижеслѣдующему:

§ 11. Гдѣ по донесенію церковнаго старосты, или инымъ образомъ, откроется и обличится подложная продажа церковныхъ свѣчь; тамъ дѣйствіемъ полиціи все найденное количество церковныхъ свѣчь немедленно конфисковать и отослать въ церковь того прихода, гдѣ подлогъ будетъ учиненъ, и сверхъ того въ тоже время въ первый разъ взыскать съ виновнаго въ пеню вдвое противъ того, что свѣчи стоятъ, и отослать въ церковь того же прихода; во второй же разъ, по надлежащей конфискаціи и взысканіи, отсылать виновныхъ къ суду по законамъ. Свѣчи конфискованныя и деньги взысканныя причисляются къ доходамъ церковнымъ и вносятся старостами въ книги ихъ особою статьею.

Въ указѣ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода, отъ 10 Декабря 1811 года за № 4710 изображено: чтобы Преосвященные Епархіальные Архіереи, при назначеніи свѣчныхъ церковныхъ заведеній, обращали вниманіе свое пре-

имущественно на тѣ мѣста, гдѣ продажа свѣчь съ нарочитою пользою производима быть можетъ, каковы суть города губернскіе, уѣздные и мѣста, гдѣ бываютъ ярмарки.

И въ указѣ Святѣйшаго Синода же, отъ 29 Сентября 1813 года за № 3296, также изображено: 1) Обязать всѣхъ священноцерковнослужителей и старостъ церковныхъ, дабы свѣчи для употребленія въ церквахъ и даже въ монастыри не были покупаемы изъ частныхъ лавокъ, а только изъ лавокъ при церквахъ заведенныхъ; и 2) свѣчи для лавокъ, смотря по удобности, или выдѣлывать своими мастерами въ монастыряхъ и церквахъ, или получать съ заводовъ и чрезъ подрядчиковъ, куда возвращать и огарки и приносимый воскъ, съ полученіемъ вмѣсто того свѣчами по вѣсу.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

О земледѣльческихъ машинахъ.

Многіе изъ гг. землевладѣльцевъ желали имѣть земледѣльческія машины простаго устройства, чтобы были прочныя и малосложныя въ механизмѣ и не высокія въ цѣнахъ. Имѣю честь довести до свѣдѣнія публики, что у меня изготовляются заслуживающія вниманія молотилки съ приставленными мельницами и съ приводами одно-конныя и дву-конныя, которыя одобрены многими хозяевами; онѣ вымолачиваютъ хлѣбъ какъ озимой, такъ и яровой превосходно, въ колосьяхъ зерна нисколько не оставляя, и солома мягко стирается, въ часъ отъ 3 хъ до 5 ти копъ, при помощи 5 или 6 рабочихъ. Сіи молотилки съ мельницами перевозятся легко 1-й подводою пароконною—или 2-мя подводами одно-конными и устанавливаются 2-мя людьми въ продолженіи 3-хъ или 4-хъ часовъ. Цѣна молотилки съ приводомъ одно-конной

140 руб. сереб. Вѣсу 36 пудъ. Цѣна молотилки съ приводомъ дву-конной 150 руб. сереб. Вѣсу 40 пудъ. Цѣна молотилки съ вѣялкою и приводомъ 190 руб. сереб. Вѣсу 43 пуда. Къ симъ молотилкамъ по надобности приспособляются мельницы съ камнями бѣлыми наилучшими, которыя выдаютъ помолу въ часъ отъ 3-хъ до 4-хъ пудъ, сухаго зерна даже гораздо болѣе; пшеницу отлично мелютъ, крупы ячныя и грецкія также отлично выдѣлываютъ. Вѣсомъ отъ 15 до 20 пудъ. Цѣна отъ 40 до 50 руб. сереб.

На заводѣ приготовляются сельско-хозяйственныя машины, молотилки съ мельницами до разныхъ силъ—съ приводами и безъ приводовъ, вѣялки сортировки, жатвенно-косильныя машины съ пристроенными распульхнячами для разбитія земли при посѣвѣ. Плуги, бороны и т. п. Для желающихъ высылаются прейскуранты съ обозначеніемъ разныхъ машинъ и цѣнъ. Съ заказами просимъ обращаться по слѣдующему адресу: **въ привиллегированную фабрику земледѣльческихъ машинъ и орудій минской губ. пинскаго уѣзда въ село Достоевъ Іосифу Алексѣеву Якушику и К°.**

Отъ общества любителей духовнаго просвѣщенія.

Поступила въ продажу новая книга:

Правила святыхъ апостолъ, святыхъ соборовъ, вселенскихъ и помѣстныхъ и святыхъ отецъ съ толкованіями. Выпускъ 1-й. **Правила святыхъ апостолъ съ толкованіями**. Изданіе Общества любителей духовнаго просвѣщенія 1876 г. Цѣна безъ перес. 80 к., съ перес. 1 р., на веленевой бумагѣ безъ перес. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Получать можно въ **Москвѣ**: въ складахъ Отдѣла распространенія духовно-нравственныхъ книгъ: на Петровкѣ,

въ Петровскомъ монастырѣ, и въ павильонѣ, близъ Иверской часовни, у зданія старыхъ присутственныхъ мѣстъ, а также у Соловьева на Страстномъ бульварѣ и Ѳерапонтова на Никольской улицѣ; въ С.-Петербургѣ у Кораблева и Сирякова.

Иногородные благоволятъ обращатся прямо въ Москву, въ Общество любителей духовнаго просвѣщенія.

Одобренный святѣйшимъ синодомъ въ качествѣ *учебника* въ приготовительныхъ классахъ духовныхъ училищъ и *«курсъ закона Божія»* свящ. А. Свирѣлина вышелъ 2-мъ изд., исправленнымъ согласно указаніямъ учебнаго комитета. Продается въ Москвѣ у книгопродавца Салаева. Ц. 30 к.

Этотъ же «курсъ закона Божія» назначенъ и для начальныхъ народныхъ училищъ для полученія льготнаго 4-го разряда свидѣтельства по отбыванію воинской повинности.

Правленіе черкасскаго духовнаго училища симъ объявляетъ, что при черкасскомъ духовномъ училищѣ имѣются нынѣ вакансіи: 1) учителя латинскаго языка съ жалованьемъ въ 420 рублей при 12-ти урокахъ, 2) учителя русскаго языка съ церковно-славянскимъ съ жалованьемъ въ 420 рублей при 11-ти урокахъ, 3) учителя пѣнія съ жалованьемъ въ 100 рублей при 4-хъ урокахъ. Пробные уроки начнутся со 2-го октября.

Печатать дозволяется 17 сентября 1876 г. Цензоръ Протоіерей М. Богдановъ.
Типографія С. В. Кульженко, Мало-Житомірская улица, домъ № 83.